

РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬ

Гражданская идентичность эстонской и русской молодежи Эстонии через призму теленовостей¹

В. ЯКОБСОН, Х. ХАРРО-ЛОЙТ, К. УГУР, К. ВЕЙДЕНБАУМ

В данной статье рассматривается следующая проблема: насколько по-разному молодые люди, живущие в Эстонии, но принадлежащие к разным этнолингвистическим группам, воспринимают одни и те же культурные теленовости, как эти различия связаны с их национальной идентичностью и можно ли говорить о формировании у подростков – граждан Эстонской Республики – гражданской идентичности. Исследование имеет экспериментальный характер и сделано на материале трех фокус-групп. Выявлено, что эстонские и русские подростки одинаково критично относятся к использованию истории политиками в своих интересах и к тому, что СМИ могут способствовать увеличению конфликтности в обществе. Деятели и события эстонской культуры воспринимаются подростками из обеих этнических групп как часть истории эстонцев, а не Эстонии как политической нации. Эстонская история воспринимается подростками как принадлежащая эстонцам как этнической группе. В то же время русскоязычные подростки воспринимают как «свою» историю, которая предлагается им в семье и российскими телеканалами. В их «мы» важны территориальный и языковой элементы. Они знают эстонский язык и культуру и открыты к диалогу с эстонцами, но при условии признания и уважения их именно как русских в Эстонии. О формировании же общей гражданской идентичности говорить пока сложно.

Ключевые слова: эстонско-русские отношения; русскоязычное и эстонское население Эстонии; эстонские и русскоязычные СМИ в Эстонии; этническая разобщенность; отсутствие единого информационного поля

Введение

Многие авторы писали о проблеме «параллельного сосуществования» эстонского и русскоязычного сообществ в Эстонии. Этот факт был признан правительством Эстонии и стал предпосылкой национальных программ интеграции эстонского общества на 2000–2007 и 2008–2013 гг. Веэрман и Хелемяэ указывали, что существуют «различные мнения по поводу того, что является ключевым звеном

¹ Исследование, положенное в основу данной статьи, было поддержано ЕС через Европейский региональный фонд развития (Center of Excellence SECT), исследовательский грант SF0180002s07, а также Эстонским научным фондом («Фактическая сложность культурной коммуникации и методологические вызовы исследований в сфере культуры»).

этнической разобщенности: психологические установки, различия национальных культур, «пережитки советского прошлого» (разделение эстонской экономики на так называемые союзный и местный сегменты; и/или вертикальное общественно-политическое разделение на доминирующую и подчиненную нации) или политика эстонского государства» [Везрман, Хелемяэ 2004].

Одной из наиболее актуальных проблем и серьезным барьером в процессе преодоления этой ситуации и интеграции общества считается отсутствие единого информационного поля у русскоязычных и эстонцев [Вихалемм, Кальмус 2008; Симомян 2004, с. 28]. Часто эту проблему связывают с потреблением различных СМИ эстонской и русскоязычной аудиториями, в том числе и молодым поколением. Действительно, эстонцы больше всего потребляют эстонские, а русскоязычные – российские телеканалы. Эстонцы при этом в своей массе исключают российские и русскоязычные СМИ из своего медиарепертуара.

Если говорить о молодежи 15–19 лет, только 6–10% молодых эстонцев с большей или меньшей регулярностью смотрят какие-либо местные русскоязычные или российские телеканалы, тогда как 90% не смотрят их никогда. В свою очередь, только $\frac{1}{3}$ русскоязычных молодых людей временами смотрят ЭТВ (в том числе 3% – регулярно), а $\frac{2}{3}$ не смотрят его никогда. Русскоязычные радиоканалы временами слушают 6% эстонцев, радио на эстонском языке слушают 10–12% русскоязычных подростков; газеты на эстонском изредка читают 22% русскоязычных (соответственно русскоязычные газеты – 4% эстонских подростков)².

С одной стороны, эти данные подтверждают, что информационные пространства эстонской и русскоязычной молодежи сильно различаются. С другой стороны, учитывая потребление глобальных и иностранных СМИ, можно сказать, что время, когда русскоязычное население в целом жило в основном в русскоязычном инфопространстве, прошло.

Различные исследования содержания СМИ [Kõuts-Klemm 2003, Kõnno 2006] показывают, что хотя факты, сообщаемые эстонскими и местными русскоязычными СМИ, во многом совпадают, значительно различаются используемые этими СМИ источники информации, новостная ценность, приписываемая медиаканалами событиям, оценки событий и т. д. Важно также, кому доверяет данная аудитория. Опрос, проведенный в июне 2007 года, показал, что почти половина русскоязычных не доверяли эстонским СМИ. После апрельского кризиса уровень доверия СМИ вообще был низок: 55% русскоязычных выражали недоверие российским СМИ и 40% – местным русскоязычным, что в целом могло быть связано с многочисленными искажениями информации о событиях, свидетелями которых были многие зрители или их близкие. Тогда же 86% эстонцев говорили, что доверяют своим СМИ, не доверяя при этом местным русским и российским СМИ (более 90%) [Heidmets 2008, с. 79]. В 2008 году, в более спокойной социальной ситуации, 27% русскоязычных выражали доверие эстонским СМИ и только 10% демонстрировали прямое недоверие. И около $\frac{3}{4}$ русскоязычных против 9% эстонцев доверяли российским СМИ, 74% русскоязычных и 23% эстонцев доверяли местным русскоязычным СМИ [Vihalemm 2008].

² Данные опроса аудитории в рамках исследования «Я, мир и медиа», выполненного Институтом журналистики и коммуникации Тартуского университета, 2008 г.

В фокусе нашего интереса находится в первую очередь молодое поколение жителей Эстонии – те, от кого зависит, каким будет социально-политический климат в стране в ближайшем будущем. Для того, чтобы сблизить в том числе и их инфопространства, был предпринят ряд шагов. В первую очередь, эти шаги были осуществлены в сфере образования: это унификация учебных программ и учебников школ с эстонским и русским языком обучения и осуществление «обменных» проектов, когда русские и эстонские школьники учились в школах друг друга, проводили совместные культурные и спортивные мероприятия и т. д. Другой сферой сближения двух инфопространств стали СМИ: в 2000-х годах были запущены двуязычные медиапроекты (газета «Постимеэс», таллинские городские бесплатные газеты «Столица» и «Линналехт», ряд двуязычных передач по ЭТВ)³.

Социальные процессы в Эстонии во второй половине 1990-х и первой половине 2000-х годов привели к тому, что идентификация молодых с Эстонией усилилась⁴. Уровень знания русской молодежью эстонского языка также возрастает, сближаются потребительские привычки русских и эстонцев, растет доля тех, для кого важнее идентификация по интересам и стилю жизни, а не по этническому признаку [Keller, Kalmus 2004].

Несмотря на это, мы не можем оптимистично утверждать, что молодое поколение забудет старые раздоры, будет дружить и вместе строить гражданское общество. Картина представляется гораздо более сложной. Например, на протяжении многих лет доходы эстонцев были выше, чем неэстонцев⁵. За последние годы этот разрыв только увеличился, причем наиболее обездоленными по ряду показателей опять же ощущают себя молодые русскоязычные [Heidmets 2008, с. 52–53]. Т. Вихалемм и В. Кальмус говорят о «воспроизводстве социальной депривации среди меньшинства» как о факте, а также делают предположение об уменьшении возможности воспроизводства социального капитала в среде русских и их убежденности в том, что этническая принадлежность играет решающую роль в продвижении в эстонском обществе [Вихалемм, Кальмус 2008].

Неудивительно, что не столько знание эстонского языка и гражданство, которые имеют для русскоязычных в основном «инструментальную» ценность, сколько социальный статус наряду с совместной с эстонцами деятельностью в свободное время оказывают влияние на формирование у русскоязычного населения сильной государственной идентичности с Эстонией [Vetik 2008].

В 2005 г. мониторинги показывали, что «продолжается дистанцирование эстонцев, и в первую очередь молодых, от эстонских русских как на уровне установок, так и реального поведения... увеличилась удельная доля тех эстонцев, которые считают образ жизни и склад мыслей эстонских русских отличными от

³ Телевизионные проекты были в основном краткосрочными, однако идея параллельного издания газет на двух языках доказала свою жизнеспособность.

⁴ В 2005 г. 69% молодых людей (до 29 лет) отождествляли себя с гражданами Эстонии. 90% граждан и представителей молодежи без гражданства в любом случае не отождествляли себя с российскими русскими, даже 3/4 молодых людей, являющихся гражданами России, не делали этого [Pavelson et. al. 2006].

⁵ Наиболее велик разрыв между доходами эстонцев и неэстонцев в возрасте 20–29 лет. В 2005 г. 9% русскоязычных и 29% эстонцев 20–29 лет имели доход свыше 340 евро на члена семьи; среди русскоязычных этого возраста большинство имели доход ниже 100 евро [Heidmets 2008, с. 51].

своего образа жизни и склада мыслей и у которых неприязнь вызывает как невладение эстонским языком, так и иное поведение и образ жизни эстонских русских» [Pavelson et. al. 2006]. В отчете о человеческом развитии в Эстонии [Heidmets 2008, с. 75] утверждается, что эстонцы 20–29 лет, а также пожилые эстонцы, живущие в Таллинне, – наименее толерантная группа населения. Среди русскоязычных около 10% имеют негативные установки по отношению к эстонцам, наиболее сильны эти установки и среди молодежи (опрос проведен в июне 2007 г., после событий, связанных с переносом Бронзового Солдата с Тынисмяги).

На этом фоне возникает следующий вопрос: если бы молодые, принадлежащие к разным этнолингвистическим группам, потребляли одни и те же СМИ, например, смотрели бы одни и те же новости:

насколько бы схожим или различным было бы их восприятие и оценки текущих событий? в чем именно заключались бы различия и сходство?

как эти различия связаны с их национальной и этнической идентичностью, восприятием «себя» и «их»? кто при этом окажется включен в понятие «мы» и «они»?

можно ли говорить о формировании у подростков общей «эстонской» национальной идентичности? если да, то каким значением – историями, воспоминаниями, образами – наполнено это понятие для молодых? [см. Hall 1992, с. 293].

Групповая идентичность связана с прошлым страны/этнической группы, определяемой как «своя». Когда происходят события общественной значимости, связанные с национальным прошлым, то идентификация с прошлым может давать модель для понимания нации в историческом контексте [Barton, Levstik 2004, с. 54]. Потому интересно, с каким историческим прошлым ребята себя отождествляют и прошлое какой страны они воспринимают как «свое»: прошлое Эстонской Республики, российское или советское прошлое? Как они (и эстонцы, и русские) воспринимают значимых деятелей и события эстонской культуры – как ключевые для прошлого Эстонии в целом или для эстонцев как этнической группы?

Методология

С 1992-го по 2007 г. в Эстонии был проведен ряд исследований в сфере межэтнических отношений, потребления СМИ представителями обеих этнокультурных групп, формирования у них идентичности и т. д. В первую очередь это были количественные исследования [интеграционные мониторинги, Kolsto 1996; Linz, Stepan 1996; Pilkington 1998, Субботина 1997; Вихалемм, Массо 2003 и др.]. Вторым по частоте использования методом были глубинные интервью [Laitin 1998, 2008; Kalmus 2003; Vihalemm 2007; Филиппова 1997 и др.].

В данном исследовании был использован метод фокус-группы. В нашем распоряжении имеется достаточное количество исследований, осуществленных количественными методами, однако всегда возникают вопросы: а что имел в виду тот или иной респондент, выбирая какой-либо из предложенных исследователями вариантов ответов? что он имел в виду, говоря, что чувствует близость с «эстонцами», «русскими», с «гражданами Эстонии», «гражданами РФ»? То есть наряду с другими поставленными задачами нас интересовало содержание этих категорий.

Мы хотели узнать мнение подростков, и при проведении, например, индивидуальных интервью заметили, что зачастую выявляется такая проблема: молодым людям трудно сформулировать свое мнение. Роль интервьюера оказывается более значимой, чем при интервью со взрослыми, а в группе подростки как бы «катализируют» друг друга, поддерживают, оппонировать не взрослому, а друг другу; таким образом им легче выразить свои ощущения.

При проведении фокус-группы сбор данных осуществляется в ходе постоянного взаимодействия, когда члены группы вынуждены аргументировать свои утверждения. Причем, поскольку перед беседой участники дискуссии смотрят теленовость, то спорят они фактически не только с членами фокус-группы, но и с видеотекстом. А поскольку мы имеем дело с культурными новостями, затрагивающими проблемы «своей» и «чужой» культур участников, то естественно, что столкновение точек зрения изначально заложено в данной беседе.

В-третьих, в случае сенситивных тем мы не спрашиваем подростков лично, остается некоторая анонимность (мы знаем лишь их имена, которые могут быть и вымышленными, возраст, школу и родной язык); таким образом, молодые люди могут чувствовать себя в большей безопасности, чем при личном интервью. Кроме того, поскольку исходным материалом была теленовость, показ ее каждому индивидуально потребовал бы гораздо больше временных и материальных затрат.

Существует, конечно, опасность, что какие-то члены группы могут не высказывать свое мнение из-за боязни осуждения, поэтому модератору надо постараться сохранить доверительную и доброжелательную атмосферу. Минусом в данной ситуации является то, что мы не знаем социального и биографического фона каждого ребенка (в том числе материального положения семьи, гражданства, социального статуса родителей), поэтому не удастся повысить степень точности интерпретации их ответов.

Фокус-группы были проведены в трех школах: в двух школах с эстонским языком обучения из Таллинна и Тарту и в одной таллиннской школе с русским языком обучения⁶. В этом проявился принцип сегрегации: поскольку обсуждались темы, связанные с эстонско-русскими отношениями, эстонцы и русские опрашивались отдельно, родной язык модератора и участников фокус-групп совпадал. Соотношение эстонских и русских групп основано на соотношении эстонского и русскоговорящего населения. Две таллиннские школы были выбраны, поскольку соотношение эстонского и русскоговорящего населения здесь примерно 50 на 50%, а этническое напряжение в отдельные моменты ощущается гораздо сильнее, чем в других городах Эстонии. Одна фокус-группа была проведена в Тарту. Во всех случаях были выбраны типичные большие городские гимназии.

В таллиннской русскоязычной группе участвовали 7 учащихся 10-го класса: 2 девушки и 5 юношей. В таллиннской и тартуской эстонских группах участвовали по 5 девушек и 3 юношей. Возрастной интервал участников всех групп не превышал 2 года, ни один из участников ранее не принимал участия в фокус-группах. Интервью проводились в школах, в классах, что давало ребятам возможность

⁶ Этому предшествовало проведение пилотной фокус-группы, на которой отработывалась и уточнялась методика.

чувствовать себя «на своей территории», и это позволяло подросткам, как можно предположить, держаться свободнее.

Ребятам показали видеозапись трех новостных сюжетов. Все эти новости были показаны по различным эстонским телеканалам 1 июня 2007 г. и содержали информацию, которая должна была бы иметь значение для этнокультурной идентичности ребят. После каждого сюжета ребят просили коротко пересказать его содержание в письменном виде, с тем чтобы сравнить позже, что им лично запомнилось, на что они обратили внимание и как будут меняться представление и акценты в ходе проведения фокус-группы. Затем состоялось обсуждение по каждому сюжету. Во всех случаях осуществлялась видеозапись беседы. Чтобы оценить при анализе, насколько восприятие детей совпадает с содержанием новости, ее основной темой и дискурсами, осуществлялся дискурс-анализ самой новости, а также интервью с экспертом, профессором Института журналистики и коммуникации Марью Лауристин, которой задавались те же вопросы, что и детям.

Для обсуждения были выбраны три известия:

1. Зарубежная новость об эстонско-российских отношениях. Ее смысл в том, что результаты опроса, проведенного центром Юрия Левады, показали, что 68% россиян считают Эстонию государством, наиболее враждебным России.

2. Культурная новость: открытие памятника Иохану Яннсену в Пярну. Здесь важно место события – маленький город – и культурно-историческая составляющая. Иоханн Яннсен, которому установлен памятник, был одним из «создателей» эстонской нации: сын крестьянина, получивший образование, просветитель, издатель первой эстонской газеты, впервые назвавший «земляной народ» эстонцами, давший ему имя, организатор первого певческого праздника.

3. Культурная новость: в ходе подготовки к X Молодежному празднику песни и танца в Таллине был пущен так называемый «Поющий трамвай». Эти три разные новости (показанные по разным телеканалам) опять же связаны с Певческим праздником, который имеет огромное значение для формирования эстонской нации: в Эстонии часто говорят, что эстонцы пришли на первый Певческий праздник в 1857 г. «сельскими жителями», а ушли нацией.

При анализе полученных данных были использованы элементы дискурс-анализа. Ниже представлены основные дискурсы, являвшиеся сквозными для всех групповых бесед.

Отождествление с национальным прошлым

Транскрипты бесед показывают, что эстонские подростки в целом дистанцируются от эстонской культуры, они вообще довольно критично относятся к нескольким факторам.

1. К тому, как сконструирована новость.

Д1(эст.): Было скучно, в том смысле, что было трудно следить, как они там на площади что-то рассказывали. Половина вещей прошли мимо... Потом стала думать, что можно было их и пропустить.

Д2(эст.): Могли бы больше рассказать о жизни Яннсена. Что он сделал.

2. К ее новостной ценности.

Инт.: А как вы думаете, зачем была снята эта новость?

М1 (эст.): Чтобы заполнить чем-то время.

Д4: Ну а с точки зрения новости, если я, например, включаю новости и натыкаюсь на такую новость, я тут же переключаюсь на другую программу, я не собираюсь смотреть какую-то чушь.

3. К официозу. И эстонским, и русским подросткам претит официоз в отношении к истории и насильственное навязывание определенных версий:

М1 (эст.): Мне пришло в голову, что учитель музыки приказал выучить слова школьного гимна.

Они предлагают альтернативы в освещении этих событий:

Д1 (эст.): Могли бы больше рассказать о жизни Яннсена. Что он сделал.

При обсуждении новостей про Певческий праздник выяснилось, что из трех новостей на эту тему им нравится наименее идеологизированная, наиболее эмоциональная:

Д3: Я вновь пережила те же эмоции, что и на Певческом празднике.

И эстонские, и русские подростки критично относятся к выступлениям политиков на таких мероприятиях, рассматривая их как саморекламу:

Д4 (эст.): Если вижу, что какой-то эстонский политик выступает на какую-либо тему, считаю, что это не критический момент в жизни Эстонии, а просто растекание мыслью по древу. Просто, чтобы показать себя и где-нибудь опубликовать выступление.

М2 (рус.): В конце концов, Лаар (бывший премьер-министр. – В. Я.) и Ильвес (нынешний президент Эстонской Республики. – В. Я.) могли ее использовать как свою рекламу.

Несмотря на подобную критику теленовости, эстонские подростки отмечают важность Яннсена и Певческого праздника для своей истории.

М (эст.): Но в то же время Яннсен был очень важным человеком в истории Эстонии и создании эстонского государства. Он был одним из основателей Певческого праздника. И опосредованно благодаря Певческим праздникам Эстония стала свободной. И второе: он начал издавать «Постимеэс», который до сих пор является одной из самых ценных газет.

Д (эст.): Яннсен был важной личностью, поэтому и сделали так, что, где бы ни поставили ему памятник, все равно об этом говорили бы в новостях.

Эстонские подростки четко разграничивают, что это их история, исключая русских как потенциальных участников этой истории и в прошлом, и как зрителей этой новости в настоящем:

Инт.: Но о чем же все-таки была эта новость?

Д1 (эст.): Об установке памятника Яннсену в Пярну.

М1 (эст.): Эстонская нация была важнее всего.

М1 (эст.): Эстонская национальность. Ударение на национальность, она не была предназначена для русских.

Русские подростки демонстрируют свою хорошую информированность об истории Эстонии. И определяют памятник Яннсену как «эстонский» и «не свой»:

Д2 (рус.): А этот памятник Яннсену – эстонская нация там, эстонцы – они его поставили взамен Бронзовому Солдату! Но тем самым... повышая мнение эстонцев о самих себе.

То же самое относится к Певческому празднику:

М1 (рус.): Опять-таки, сплочение эстонской нации. Ну то... чтоб они духом, что ли, не падали. Еще одно объединение, точнее, еще один праздник, который их вместе, всех вместе объединяет.

В целом указанные деятели и события культуры воспринимаются подростками из обеих этнических групп как часть истории эстонцев, а не Эстонии как мультиэтнической политической нации.

Наполнение категорий национальной идентичности

Анализ показал, что наполнение категорий национальной идентичности у наших групп весьма бедное. Ряд исследований описывают идентичность эстонцев, как опирающуюся скорее на подчеркивание отличий, чем на поиск сходств. Эстонцам в целом свойственно описывать себя не как «мы есть...», но «мы не...» – не русские, не немцы, не... [ср. Симолян 2004, с. 36, Valk 2008]. В связи с новостью про эстонско-российские отношения упоминается только, что Эстония – «отдельное», «независимое» государство, однако отсутствует описание, что его характеризует. Зато подчеркивается отдельность Эстонии от России и отличие эстонцев от русских.

М (эст.): Они все еще недовольны тем, что мы как бы отдельное государство.

Очень эмоционально описывается Россия, то есть «они», и суть этих описаний сводится к тому, что это источник агрессии, потенциальной угрозы для Эстонии.

Д3 (эст.): Я думаю, что история повторяется, что Россия вступит в союз с Германией и Францией, и тогда страны Балтии отойдут России. Может быть, и нам стоит сказать, что Россия – самое враждебное Эстонии государство, потому что оно не признает нашу независимость и вмешивается в наши внутренние дела.

Россияне характеризуются эстонцами исключительно негативно: как лживые, эгоистичные, поддающиеся влиянию пропаганды, медиа, старшего поколения.

Инт.: Откуда эти данные?

Д1 (эст.): Какое-то бюро Юрия Левады.

М1 (эст.): Ну видишь!

Инт.: Почему ты сказал «ну видишь»? Ты знаешь, кто такой Юрий Левада?

М1 (эст.): Русский.

Инт.: То, что у человека русская фамилия, означает, что его слова не могут быть правдой?

М1 (эст.): Не означает, но предполагает.

М1 (эст.): Это просто заставляет смеяться, эти русские все же такие придурки...

Д1 (эст.): Истинный пример, как российская пропаганда....

М2 (эст.): Глупость русских безгранична! Там, где им выгодно, те хорошие, а кто хоть немного против их деятельности, те сразу плохие.

М3 (эст.): Показали кучу русских молодых людей, которые вообще не знают, что происходит. Они не понимают, почему они против Эстонии. Родители им, что ли, что-то рассказали? И я не знаю, что еще, что они сразу согласились с мнением старших. С мнением общественности.

Причем негативное отношение к Эстонии и другим бывшим советским республикам молодые эстонцы связывают с независимостью последних:

М3 (эст.): Они все еще недовольны тем, что мы отдельное государство.

В связи с этим встает вопрос, насколько эстонцы разграничивают местных русских и россиян или, наоборот, отождествляют их.

М3 (эст.): Местные русские до сих пор не поняли, что Эстония отделилась, чувствуют себя заодно с россиянами. По крайней мере, часть из них.

Не только россияне, но и местные русские воспринимаются частью эстонцев как источник потенциальной опасности, причем в следующей реплике чувствуется и страх, и стремление изолироваться от «иных»:

М2 (эст.): После этого дела с Бронзовым Солдатом она может легко рассердить их.

Инт.: С русскими ребятами было проведено подобное интервью.

М2 (эст.): Ну и что они сказали, были рассержены, или как? Ну и пусть себе, русские придурки.

Однако те, у кого есть непосредственный опыт общения с русскими, отчасти возражают негативно настроенным подросткам:

Д1 (эст.): Нет, по-моему, нельзя так обобщать, что русские отвратительные и русские дураки. Очень много нормальных русских, и они держатся подальше от этих событий.

М2 (эст.): Назови хоть одного!

Д1 (эст.): Я знаю очень много таких.

Д2 (эст.): Слушай, мой отец наполовину русский, его жена русская, моя бабушка русская. Они вообще...

М2 (эст.): Моя собака русская...

Д2 (эст.): Мои соседи русские, они совершенно нормальные люди.

М2 (эст.): Но смотри, они эстонские русские. Российские русские – молодые, злые и тупые.

Д2 (эст.): Нет, ну да, частично конечно да, но нельзя это переносить на всех.

Русские про эстонцев тоже не могут сказать ничего определенного, они лишь ехидно цитируют одну из официальных характеристик эстонцев, временами фигурирующую и в СМИ, и в школьной программе:

М2 (рус.): Эстония – поющая нация (общие смешки).

Также, исходя из приведенной выше реплики про «сплочение эстонской нации. чтоб они духом, что ли, не падали», можно предположить, что у русских сложилось впечатление, что эстонцы нуждаются в сплочении, поднятии духа. Это впечатление можно считать закономерным на момент беседы, потому что страх эстонского населения за стабильность своего государства после «бронзовой ночи» был очень велик.

Тема содержания национальной идентичности, гордости за свою страну, «выплыла» только в самом конце русскоязычной фокус-группы, после вопроса интервьюера, процитировавшего высказывание бывшего премьер-министра Эстонской Республики, депутата парламента М. Лаара: «А в связи с эстонской культурой, вы помните, там сказали, что “это одна из вещей, которые делают эстонцев эстонцами”».

Эта часть дискуссии началась с противопоставления важности культурных традиций для русскоязычных и эстонцев:

М1 (рус.): Ну если это их делает эстонцами... (Смеется.) Нет, ну я не знаю, если я какой-нибудь праздник не отпраздную, я от этого меньше русским не стану! А если я эстонец и если я не отпраздную Лаулупюха (Певческий праздник. – В.Я.), например, – что, я опущусь до уровня какого-нибудь? (Показывает руками уровень ниже колен). То трамвайчик привезли, то... (Разводит руками, пожимает плечами.) Собрались они на Певческом поле – они там поют, радуются, праздник отмечают. Ничего плохого. Но говорить такую ерунду, что это делает их эстонцами, Певческий праздник делает меня эстонцем... (Разводит руками.)

Никто не возразил говорившему, наоборот, видеозапись демонстрирует одобрение остальных школьников. Таким образом, хотя и в грубой форме, показано, что культурные традиции для эстонцев важнее, чем для русскоязычных в Эстонии. Кстати, при исследовании А. Валк идентичности эстонцев возникла опосредованная дискуссия между ее респондентами о том, делает ли культура эстонцев эстонцами, объединяет ли их, или нет, и мнения самих эстонцев на этот счет разделились.

Следует обратить внимание, что здесь отсутствует негативная оценка собственно эстонской культуры. Негативно оценивается официоз, насилие над сознанием. Причем подчеркивается, что его объектом становятся «дети» – наиболее беззащитные, несформировавшиеся. Слово «дети» в одном предложении повторяется два раза, причем последнее, акцентированное употребление в конце предложения, подчеркивает беспомощность детей и недопустимость, с точки зрения говорящего, совершаемого с ними действия:

Д2 (рус.): Мне больше всего запомнилось, как детям вдалбливали в их мозги, что они должны помогать, они должны держаться все вместе, помогать, что эстонцы должны помогать друг другу, – им это буквально как будто вбивали в голову, детям.

Присутствует указание на недостаточность только народной культуры и игры с исторической памятью для формирования эстонской идентичности. И дальше впервые за всю дискуссию, хотя и сумбурно, школьники выражают позицию, которая четко просматривалась в более ранних исследованиях национальной идентичности русскоязычных и эстонцев [Uba 2008; Jakobson 2002]: для формирования национальной идентичности со страной должны присутствовать «дела» и «уважение».

1. «Другие дела», по мнению подростков, должны поднять авторитет Эстонии:

Д1 (рус.): Ну просто кажется... Я не говорю, Россия там лучше-хуже, ну просто в остальных... в некоторых государствах какие-то дела делаются для того, чтобы было заметно, чтобы уважали эту страну, а они памятник там

поставят – уберут памятник. Попоют – и это все. Мы эстонцы потому, что мы поем наши песни.

На основании названных выше исследований можно только предположить, что эти дела могут располагаться в сфере экономики, производства, развития науки и технологии.

2. Что касается уважения, то, по мнению ребят, только взаимное уважение этнических сообществ внутри государства может обеспечить его стабильность и высокий авторитет среди других стран. Это взаимное уважение подается как желаемая ценность:

М3 (рус.): Тогда будет и уважение к ним, все другие нации будут их уважать. Взаимное уважение будет

Здесь ребята берут на себя смелость предложить эстонской части общества свою версию того, «что делать», не отрицая при этом значимости для эстонцев того, что делают они. Несмотря на эмоции, на сумбурность изложения, на горечь и обиду, они формулируют конструктивные предложения. И последняя фраза интервью, следующая за данными высказываниями, объясняет, почему, несмотря ни на что, русскоязычные подростки готовы к конструктивному сотрудничеству:

М3 (рус.): Мы тут живем.

Стремление уйти от конфликта, как фактор возможного сближения в будущем

И эстонские, и русскоязычные подростки негативно оценивают такие новости, которые могут способствовать разжиганию национальной розни, независимо от того, делает это российская или эстонская сторона.

Д1 (эст.): Может быть, это было плохо, что такую новость показали, потому что многих эстонцев она должна была рассердить или нервировать.

Д2 (эст.): Это конкретный пример того, как российская пропаганда влияет на русских.

М1 (рус.): Мне вот, честно говоря, интересно, какую цель преследовали те, кто снимал это. И кажется, хотели пробудить у тех, кто смотрит в Эстонии эти новости, какое-то негативное отношение к России

М2 (рус.): Нет, по-моему, они хотят сравнить этих двух людей, эстонцев и русских, что русские – такая нация позорная, они вас ненавидят.

Ребята видят неполноту информации, возможные подтасовки фактов и так же негативно оценивают подчинение фактической достоверности пропагандистским целям:

Д1 (эст.): Почему Эстонию считают такой враждебной? Там не было приведено ни одной конкретной причины.

Д2 (эст.): По-моему эту новость можно было бы продолжить, она была такой короткой и привела результаты только одного опроса, а надо было бы спросить чье-то мнение, отразить здесь и другие темы, дальше развить эту тему.

М1 (рус.): Я лично вообще не могу сказать, насколько они (данные. – В. Я.) достоверны. Кого и как опрашивали. Не могут же опросить там 10 тысяч человек хотя бы. Опросили человек 100. Ну 500.

В этих высказываниях негативно оценивается то, что может способствовать нестабильности общества Эстонии.

Выводы

В целом следует отметить, что эстонские и русские подростки критично относятся к одним и тем же вещам: к неполноте данных, игре с исторической памятью и использованию истории политиками в своих интересах, к тому, что СМИ могут способствовать увеличению нестабильности и конфликтности в обществе, к насильственному вдалбливанию в чьи-либо головы определенных версий истории или отношения к ней. Последнее субъективное ощущение находит отражение в результатах исследования С. Ахонен (2001), которая пришла к выводу, что в Эстонии «историческое образование не стало автономным интеллектуальным полем... история была использована для строительства национального государства» и альтернативные исторические нарративы в школьных учебниках отсутствуют [Ahonen 2001, p. 190–191]. И все это подтверждает вывод Вихалемм и Кальмус (2008) о сходстве эстонской и русской молодежи по ряду критериев.

В то же время деятели и события эстонской культуры воспринимаются подростками из обеих этнических групп как часть истории эстонцев, а не Эстонии как политической нации. При обсуждении новостей эстонские подростки в целом дистанцируются от эстонской культуры. Однако эстонцы четко определяют, что это история эстонцев, исключая русских как потенциальных участников этой истории в прошлом и как зрителей этой новости в настоящем.

Что касается русскоязычных подростков, они *демонстрируют* знакомство с историей Эстонии, однако эстонская история, которую они изучают в школе и которая отражается в медиа, воспринимается ими как не «своя» история. В то же время русскоязычные подростки воспринимают как «свою» историю, которая предлагается им в семье и российскими телеканалами. С этой точки зрения одним из важнейших событий советской истории является победа СССР в Великой Отечественной войне и освобождение Эстонии от фашизма. «Эстонская» версия послевоенной советской оккупации в этой истории отсутствует.

Таким образом, коммуникативная память эстонской и русской молодежи имеет значительные отличия, которые подкрепляет тот факт, что в школьных учебниках на протяжении всей истории Эстонии «другие» выступают в основном как завоеватели, мирным отношениям с соседями уделяется мало внимания. М. Лагерспец писал, что русские описываются в эстонском историческом нарративе как историческая аномалия, исключенная из исторического сообщества [Lagerspetz 1999, p. 19]. В результате у «эстонской» идентичности русскоязычных, проживающих в Эстонии, нет исторической привязки.

Следует учитывать, что беседа не была изначально сфокусирована на выявлении содержания национальной идентичности подростков, поэтому анализ выявил лишь самые общие тенденции. Так, эстонцам свойственно описывать себя по принципу отличия – «мы не...». Причем те, кому они себя противопоставляют (в данном случае русские), описываются довольно подробно: как агрессивные, тупые, лживые, несамостоятельные в принятии решений. Местные русские тоже

воспринимаются эстонцами как источник потенциальной опасности, причем способ «обезопаситься» от них – не диалог, а изоляция.

Русские же подростки сами определяют себя как русскоговорящее меньшинство в Эстонии. В их «мы» важен территориальный элемент⁷. Они позиционируют себя как живущих в Эстонии и знающих эстонский язык и культуру. Они открыты к диалогу с эстонцами, но при условии признания и уважения их именно как русских в Эстонии.

Следующий аспект не был затронут в данной беседе, однако следует добавить, что с точки зрения россиян, они безусловно еще и «европейцы» как формально (гражданство Эстонии, которое имеет большинство русскоговорящей молодежи, одновременно является гражданством ЕС), так и по своей ориентации, по потреблению европейских медиаканалов, владению иностранными языками. Можно предположить, что эти три компонента (русский, эстонский, европейский) глубоко и сложно переплетены и взаимосвязаны в их идентичности, однако этот аспект требует более глубокого анализа.

Может быть, вследствие этой сложности – существования в ситуации и диалога, и конфликта культур, – а также зыбкости исторических привязок русским подросткам так трудно сформулировать, чем для них наполнена категория «русский». В ходе данной беседы, как и эстонцы, они тоже описывали себя по принципу «мы не...» («для нас не важно праздновать культурные праздники» и т. д.), а какие праздники для них важны – они не могли сказать. Единственный праздник, который упоминался в дискуссии и тут же был отвергнут, – День Советской Армии. Это неудивительно, так как многие исследователи говорят о значимости советского прошлого для идентичности жителей ближнего зарубежья, особенно для представителей старшего поколения, и эмигрантов «четвертой волны» [Vihalemm 2007, Korostelina 2007, Попков 2008]. Кирх [Kirch et.al. 2008] пишет, что «молодые представители русскоязычного населения в Эстонии рассматривают монумент Советскому солдату как один из базовых символов своей идентичности», хотя более справедливым будет назвать его произведением искусства, символизирующим советскую интерпретацию роли СССР во Второй мировой войне, на который опирается «советская» составляющая идентичности значительных групп населения Эстонии. Т. Вихалемм и В. Кальмус [Vihalemm, Кальмус 2008], не исключают возникновения среди русскоязычной молодежи «новой протестной идентичности, которая будет использовать знаки и артефакты глобальной популярной или потребительской культуры». Исследователи говорят о «смеси глобальных ссылок (фильм «Lilja 4ever») с ностальгическими нарративами» и делают ссылку на Х. Вогта, который связывает «ностальгию» с разочарованием в утопической идее западного государства благоденствия. Однако сами эти «ценности прошлого», значение тех самых нарративов, остаются пока мало исследованными.

В конечном итоге можно предположить, что пока сама эстонская гражданская идентичность довольно расплывчата, пока в сознании самой эстонской молодежи

⁷ К подобным выводам при исследовании идентичности русских в Эстонии пришли многие исследователи [Linz, Stepan 1996; Kirch, Kirch, Tuisk 1997; Laitin 1998; Вихалемм, Матко 2003; Pavelson et al. 2006].

не закрепились ни достижения Эстонии, ни «великие эстонцы» современности, которые завоевали себе имя в мире в области развития технологии, науки, и пока молодые эстонцы не готовы «поделиться» своей историей с другими эстоноземельцами и включить в «свою» историю как ее равноправных участников тех, кто в настоящее время является представителями национальных меньшинств в Эстонии (шведов, евреев, русских), – сильная «эстонская» идентичность в гражданском смысле не сможет сформироваться.

На постепенное улучшение межэтнических отношений дает надежду то, что:

– в эстонской группе возникает дискуссия между просто негативно настроенными и теми, у кого есть непосредственный опыт знакомства с русскими и кто против обобщения, огульного обвинения, восприятия местных русских как проводников российской внешней политики;

– и русские, и эстонские подростки негативно относятся и к официозу, и к попыткам разжигания межнациональной розни посредством СМИ и распознают такие вещи, независимо от страны происхождения источника.

русскоязычные подростки четко определяют, что живут они *здесь*, то есть в Эстонии.

Дискуссия

Несмотря на обозначенные выше проблемы, русскоязычная молодежь пока не стремится уехать из стран Балтии – в отличие от русскоязычных из, например, стран Средней Азии, где эмиграции русских способствовали:

политическая нестабильность и военные конфликты в этих государствах;

резкое снижение уровня жизни;

неспособность приспособиться к изменениям социальной и культурной среды, где главную роль играет возрождение радикальных форм ислама и увеличение значимости родовых и клановых отношений в политической и экономической жизни.

Положение русских в Балтике оказалось более выигрышным, чем в Средней Азии, в силу объективных условий.

В 1990–2000 гг. были сделаны значительные инвестиции в экономику стран Балтии, что позволило русскоязычным жителям страны достичь относительно удовлетворительного уровня жизни, хотя и более низкого по сравнению с коренным населением.

В значительной мере (хотя и не до конца) Эстонская Республика синхронизировала свое правовое пространство с европейским, и теперь здесь действуют европейские механизмы контроля за дискриминацией и эффективностью демократии.

То есть интеграция русскоязычных в общество Эстонии идет параллельно с интеграцией в европейское общество, хотя и здесь, например, действуют некоторые ограничения, связанные с гражданством: например, в ситуации экономического кризиса имеет значение то, что неграждане не могут легально работать в странах ЕС, рынок труда которых открыт для граждан Эстонии. Неграждане также не могут участвовать в выборах представителей ЭР в Европарламенте. Однако многие другие возможности открыты для всех постоянных жителей ЭР.

Вторая группа благоприятствующих интеграции факторов относится к числу внутренних. Это, конечно, исторически сложившаяся в Эстонии традиция либерального гуманистического мышления, которому присуща высокая степень рефлексии. Во все годы в эстонском обществе был слышен голос лучших представителей эстонской интеллигенции (Я. Каплински, М. Лауристин, Р. Руутсоо, Ю. Кивиряхк, В. Петтай и многих других), которые активно призывали более консервативную, националистически настроенную часть общества к толерантности, мудрости, открытости новому и иному. Со второй половины 1990-х годов эстонские СМИ также отражали их позиции, а в 2000-х годах многие журналисты сами заняли позицию большей толерантности. Это и так называемое социальное гражданство: как и в странах ЕС, весь пакет социальной защиты изначально предоставлялся всем законно проживающим в Эстонии людям, независимо от их гражданства. Это и возможность до 2007 г., когда Россия сама стала сворачивать транзит через Эстонию, использовать свою национальную принадлежность как ресурс для ведения транзитного бизнеса.

Все это, конечно, способствовало тому, что русскоязычные в Эстонии в основном не стремились уехать, а старались адаптироваться сами и помочь адаптироваться здесь своим детям, поскольку адаптация в Эстонии одновременно является и адаптацией в ЕС. Однако, учитывая нынешнюю ситуацию глубокого экономического кризиса в Эстонии и Латвии, падение производства, в котором заняты преимущественно представители русскоязычного населения, нельзя исключать новую волну переселенцев из этих стран. Выбор страны, в которую они могут поехать, будет обусловлен, скорее всего, теми возможностями (экономическими и правовыми), которые будут иметься на тот момент, поскольку гибкость и многослойность их идентичности, а также разнородность этой части населения по всем критериям, кроме родного языка, на наш взгляд, не предполагает однозначного ответа на этот вопрос.

Литература

- Везрманн Р., Хелемяэ Е.* Предприниматели в Эстонии: либеральная общность или этническая разобщенность? // Социологические исследования. 2004. № 9.
- Вихалемм Т., Массо А.* Динамика идентичности русских в Эстонии в период постсоветских трансформаций // Диаспоры. 2003. № 2.
- Вихалемм Т., Кальмус В.* Дифференциация ментальностей основных этнических групп в Эстонии. // Социологические исследования. 2008. № 5.
- Попков В.* Русская диаспора и транснациональное русскоязычное пространство в Европе: Обзор эмиграционных исходов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007, 2008. № 3, том X.
- Симолян Р.Х.* Балтийские массмедиа: динамика последнего десятилетия // Социологические исследования. 2004. № 2.
- Субботина И.А.* Русские в Эстонии: альтернативы и перспективы // Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение. М.: ИЕА РАН, 1997.
- Филиппова Е.И.* Адаптация русских вынужденных мигрантов из нового зарубежья // Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение. М.: ИЕА РАН, 1997.
- Ahonen S.* Politics of Identity Through History Curriculum: Narratives of the Past for Social Exclusion – or Inclusion? // Journal of Curriculum Studies. 2001. Vol 33. № 2.

- Barton K.C., Levstik L.S.* Teaching History for the Common Good. Mahwah, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 2004.
- Hall S.* The Question of Cultural Identity // Hall S., Held D., McGrew T. (eds.) Modernity and its Futures. Cambridge: Polity Press & The Open University, 1992.
- Heidmets M.* (ed). Estonian Human Development Report 2007. Tallinn: Eesti Ekspressi Kirjastuse AS. Eesti Koostöö Kogu. Available electronically at www.kogu.ee/public/trykised/EIA07_eng.pdf, 2008.
- Jakobson V.* Political and Ethnocultural Identities Constructed in the Russian Press of Estonia since 1947 // Heidmets M., Lauristin M. (ed.) The Challenge of the Russian Minority. Tartu: Tartu University Press, 2002.
- Kalmus V.* Is Interethnic Integration Possible in Estonia?: Ethno-Political Discourse of Two Ethnic Groups // Discourse & Society. 2003. Vol. 14. № 6.
- Keller M., Kalmus V.* Konsumerismist tarbimisliku ükskõiksuseni: tarbimisorientatsioonid tänases Eestis // Kalmus V., Lauristin M., Pruulman-Vengerfeldt P. (ed.), Eesti elavik 21 sajandi algul, ülevaade uurimuse Mina. Maailm. Meedia tulemustest. Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004.
- Kirch A., Kirch M., Tuisk T., Reinkort H., Altosaar A.* Etics, Emics, Estonians and Russians in Contemporary Estonia: Is the Past still Dominating the Present? Working Papers of the Institute for European Studies, International University Audentes. № 1. Интернет-ресурс: http://www.ies.ee/iaccp2008/Kirch_et_al_paper.pdf, 2008.
- Kolstø P.* The New Russian Diaspora – an Identity of It's Own? Possible Identity Trajectories for Russians in the Former Soviet Republics // Ethnic and Racial Studies. July 1996. Vol. 19. № 3.
- Kolstø P.* Territorialising Diasporas. The Case of the Russians in the Former Soviet Republics. Интернет-ресурс: <http://www.uio.no/~palk/home/Territorialising.htm>, 1999.
- Korostelina K.V.* Readiness To Fight in Crimea: How It Interrelates with National and Ethnical Identities // James L. Peacock, Patricia M. Thornton, Patrick N. Inman (Eds.). Identity Matters. Ethnic and Sectarian Conflict. New York, Oxford: Berghahn Books, 2008. Цитировано по Kirch A., Kirch M., Tuisk T., Reinkort H., Altosaar A., 2008.
- Kõnno A.* Pronkssõduri problemaatika kajastamine Eesti ajakirjanduses 1. mai – 31. juuli 2006. Интернет-ресурс: <http://www.meis.ee/book.php?ID=136>, Tallinn: ETA Monitooring, 2006.
- Kõuts-Klemm R.* (ed.) Integratsiooni meediamonitooring 1999–2003: Eesti ajakirjandus integratsioonist. Tallinn: Mitte-eestlaste Integratsiooni Sihtasutus, 2003.
- Laitin D.* Three Models of Integration and the Estonian/Russian Reality // Journal of Baltic Studies. 2008. Vol. 34. № 2.
- Laitin D.* Identity in Formation: The Russian-speaking Populations in the Near Abroad. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1998.
- Lagerspetz M.* The Cross of Virgin Mary's Land: a Study in the Construction of Estonia's 'Return to Europe' // Finnish Review of East European Studies. 1999. Vol. 6. № 3/4.
- Linz J.L. & Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1996.
- Pavelson M., Proos I., Pettai I., Kruusvall J., Hallik K., Vetik R.* Итог основных результатов мониторинга интеграции. Интернет-ресурс: <http://www.meis.ee/book.php?ID=96>. Tallinn: MEIS, 2006.
- Pilkington H.* Migration, Displacement and Identity in Post-Soviet Russia. London; New York: Routledge, 1998.
- Uba M.* Rahvusliku enesemääratluse mudeli muutumise võimalused ja põhjused. Магистерская диссертация. Тарту: TÜ kirjastus, 2008.
- Valk A.* Mis teeb eestlasest eestlase? Доклад на конференции «Будет ли эстонский молодой человек успешен в будущем?» («Kas eesti noor saab tulevikus hakkama»). Таллин: 09.05.2008.

- Vetik R.* Riigiidentiteet ning ühiskonna avaliku sfääri sidusus. Eesti ühiskonna integratsioonimonitoring 2008. Интернет-ресурс: www.rahvastikuminister.ee/public/Riigiidentiteet_ja_avaliku_sf_ri_sidusus.pdf, 2008.
- Vihalemm T.* Crystallizing and Emancipating Identities in Post-Communist Estonia // Nationalities Papers. 2007. Vol. 35. № 3.
- Vihalemm P.* Informeeritus ja meediakasutus. Eesti Ühiskonna integratsioonimonitoring 2008. Интернет-ресурс: www.rahvastikuminister.ee/public/Informeeritus_ja_meediakasutus.pdf, 2008.